

Место чудное, довольно укромное

Category: Heкаýalar, Kitарсу, Satiriki heкаýalar

написано kitарсу | 24 января, 2025

Место чудное, довольно укромное МЕСТО ЧУДНОЕ, ДОВОЛЬНО УКРОМНОЕ

История любви богатого бездельника, холостяка, повесы и – юной девушки. ...Начало XX века, Швейцария, горы, озеро, уютный отель в затерянном месте... Можно ли хоть здесь скрыться от посторонних глаз? Увы, в жизни все бывает не так просто...

• От переводчика

Пьеро Кьяра (1913-1986) – один из известных итальянских писателей-сатириков, работавших во второй половине XX века. Его перу принадлежат многочисленные романы, рассказы, очерки, стихи, киносценарии. Особой любовью читателей пользуются его рассказы, в которых он опирается на многовековые традиции итальянской новеллистики, берущей начало от «Декамерона» Боккаччо. Разнообразные по интонации, его рассказы привлекают умением писателя создавать жизненно достоверные человеческие характеры, оттененные тонкой иронией и особой теплотой тона. Сегодня мы предлагаем нашим читателям познакомиться с творчеством этого талантливого писателя. Рассказ «Место чудное, довольно укромное» на русском языке публикуется впервые.

* * *

В Швейцарию, если лето уже закончилось, никогда не нужно ездить с туристической группой или на отдых. Исключение составляет дорога через Готтард. Может так случиться, что вы окажетесь отрезанными от внешнего мира неожиданно прошедшими снегопадами, которые сделают непроходимыми альпийские перевалы, по крайней мере, в некоторых местах Интерлакена,

откуда станет невозможным проезд на юг, как через перевалы Гримзель или Фурка, так и через Сустен.

Как-то несколько лет назад в конце октября я оказался именно в Интерланде, уверенный в том, что смогу проехать через Сустен, когда прошедший высоко в горах снегопад перекрыл дороги через Альпы. Чтобы вернуться в Италию, не делая при этом большой крюк, мне посоветовали поехать в Кандерстег (час езды на машине), где бы я смог погрузить автомобиль на поезд-челнок, который, проезжая через Лоэчберг, спускался в Бригу и далее, через Симплонский туннель, следовал на Домодоссолу и Милан. Упоминание о городке Кандерстег воскресило в моей памяти друга Джузеппе Куниберти, которого обычно звали Пиппо, и то, что с ним произошло в этом самом месте много лет назад.

Я решил поехать в Кандерстег и провести там ночь, а на поезд, идущий в Бригу и Домодоссолу, сесть на следующий день. Мне хотелось посмотреть место, разыскать гостиницу «Альпенблик», переночевать в ней, посмотреть на горы, дороги и, возможно, даже услышать слова, которые звучали там в ту пору, когда мой друг отправился туда ради одного из своих последних любовных приключений, которое бы вошло в его «послужной список». Куниберти, жуир-холостяк, увлекавшийся женщинами похлеще, чем какой-либо либертен, неожиданно был охвачен сентиментальным порывом, трудно объяснимым для мужчины сорока пяти лет.

За год до своего пребывания в Кандерстеге он влюбился в девятнадцатилетнюю студентку по имени Анжелика, которая его сразу преобразила.

Это была любовь неожиданная и непредвиденная для них обоих, ограниченная лишь взглядами, словами и продолжительными разговорами. Они встречались вдали от своей привычной провинциальной среды – в Милане, в больших кафе или же в сквере нашего небольшого городка, бывшем, по сути, просторным парком со скамейками в тенистых уголках, где тайком отдыхали парочки, приходившие издалека, да еще пенсионеры, уже утратившие интерес к миру и к прекрасному полу.

Для Куниберти этот роман был подобен главному выигрышу в лотерее, который и в радости, и в горести изменяет жизнь того, кто его получил.

Все прежние любовные увлечения никогда не трогали его до глубины души. В его небольшой холостяцкой квартире, расположенной на последнем этаже принадлежавшего ему самому жилого дома, за многие годы побывали только разочарованные жены, молоденькие вдовушки, закоренелые старые девы, да еще несколько веселых девиц. Появление новых женщин никогда не прерывало это хождение и не исключало своих предшественниц. И все же Куниберти не был вертопрахом или фатом, либо тем, что сегодня зовут плейбоем. Хорошо образованный, несмотря на то, что учебу на юридическом факультете не завершил, он окружил себя книгами, картинами, хорошими гравюрами. У него в квартире, кроме мебели, было и небольшое немецкое пианино, игра на котором скрашивала его часы одиночества. Однако многие считали его никчемным человеком. Отец оставил Куниберти довольно приличное состояние, что позволило ему жить подобно восточному шейху, под неустанным присмотром двух служанок, одна из которых отвечала за все, а другая – за его гардероб. Со своими средствами он вполне бы мог заняться коммерцией или открыть производство, путешествовать по свету, расширить круг знакомств. Однако он предпочел спокойную жизнь провинциального синьора: кафе, игра в покер, разговоры с друзьями, да еще хождение женщин. Все это, и почти без усилий с его стороны, поскольку он был красивым мужчиной, создало вокруг него ореол человека с врожденным выражением усталости на лице, который скорее присущ тем, кто ничем не занимается и отличает их от скучающего, разочарованного вида тех, кто отказывается от какой-либо деятельности ради праздности. Бесполезный человек – так, не без тени удовлетворения, определял он сам себя.

Именно в тот момент, когда Куниберти исполнилось сорок пять лет, его безмятежная жизнь была нарушена Анжеликой Коломбо, девушкой, которая в тот год завершила учебу в лицее. Он ее встретил в теннисном клубе, куда она пришла записаться, а он,

не интересуясь спортом, посещал его ради игры в бридж, покер и в «Скала куаранта».

Как-то после двух встреч случилось так, что, сидя у корта, они договорились о встрече в “Biffi Scala” в Милане. Меньше, чем за месяц они дошли до того, что не могли не прожить ни одного дня без встречи. Тогда Анжелика набралась смелости и в определенные часы дня стала заходить в палаццо Куниберти и подниматься в квартиру своего друга. Наступил момент первого поцелуя, но из-за странной предосторожности обоих, за ним не последовал второй. Они попросту отложили его. Куниберти претили обычные действия обольстителя, а Анжелика испытывала гордость оттого, что встречалась, хотя и некоторой дрожью и не без риска для своей непорочности, с мужчиной, имевшим репутацию обольстителя, а по возрасту годившемуся ей в отцы. Их встречи не прошли незамеченными. Кто-то видел, как Анжелика стремительно входила в палаццо и как, несколько часов спустя, выходила оттуда. Хотя ее и не знали в городе, поскольку она жила на вилле в предместье и принадлежала к мало кому известной буржуазной семье, тем не менее, слухи шли и в определенный момент дошли до родителей Анжелики.

То, что произошло в доме боязливых, пропитанных доброй моралью и следовавших старым традициям людей, можно только представить: слезы матери, угрюмое молчание отца, постоянное и неотступное отчаяние двух, обманутых в своих надеждах бедняг. Анжелика была единственной дочерью, и ее родители мечтали увидеть ее в белом подвенечном платье с венками из апельсиновых цветов рядом с первоклассным специалистом – врачом, инженером или даже промышленником. А вместо этого она оказалась в сетях пресловутого городского распутника, холостяка, хотя и богатого, но мерзкого и даже близко не годящегося в мужа, не говоря уже о его возрасте.

После тревожных совещаний между собой, священником – другом дома, а также с семейным врачом, семья Коломбо приняла решение, которому Анжелика не посмела противиться. Ее определили в Высшую школу французского языка в Лозанне. Год

сурового удаления, по их мнению, и по мнению советчиков, был лучшим лекарством, способным вылечить дочь от пагубной страсти, которой она была охвачена. Естественно, что Пиппо и Анжелика, далекие от того, чтобы отречься от своей, только расцветающей любви, приложили все усилия, чтобы убрать разделяющее их препятствие. Каждое субботнее утро, а часто и во второй половине пятницы, Куниберти в машине или на поезде ехал в Лозанну. Воспитанницы школы имели право свободного выхода в город, группами, в пятницу и субботу во второй половине дня.

Раз в месяц супруги Коломбо тоже садились в поезд на Лозанну, однако во все другие уик-энды туда приезжал все более влюбленный Куниберти. Анжелика отделялась от подруг и проводила с ним блаженные часы, сидя в кафе на набережной Уши, или же тайком в некоторых небольших гостиницах у площади Святого Франсуа. Они обычно располагались в одной комнате, сидя в креслах напротив друг друга, так что горничные, находя кровать нетронутой, а полотенца неиспользованными, качали только головами.

На пасхальные каникулы Анжелика не вернулась в Италию. С согласия родителей, она поехала провести эти дни в Рапперсвиле на Цюрихском озере, в гостях у своей сокурснице Магды – итальянке, жившей в Немецкой Швейцарии и бывшей близкой подругой, которой можно было доверить свою тайну.

«Почему бы тебе в конце учебного года, прежде чем поехать домой, провести недельку у меня? – сказала она однажды подруге. – Я об этом попрошу твоих родителей в ближайший их приезд сюда. Если же ты потом захочешь провести время с твоим Пиппо, я тебе могу порекомендовать одно чудное, довольно укромное место, где в прошлом году я была вместе со своим другом – это Кандерстег. Там, среди луга есть небольшая гостиница, где царит покой и такой чудный воздух... Я уверена, что если ты поедешь с ним в Кандерстег, то вернешься домой совсем другой, как это было со мной».

План был близок к осуществлению, поскольку и родители Анжелики, думавшие, что речь идет о Рапперсвиле, и посвященный в план Пиппо нашли его вполне отвечающим их устремлениям.

Они договорились встретиться первого июля в 18 часов на втором перроне вокзала в Бриге, с которого поезд из Лоэчберга шел в Кандерстег и Берн.

С этого момента я смогу продолжать повествование, предоставив слово Куниберти, вернее, воспроизвести все то, что он мне поведал об этой истории, как будто он рассказывает ее сам, и стараясь ни пропустить, ни одного нюанса из его рассказа, из того, во что счел возможным посвятить меня, чтобы доказать – не столько мне, как самому себе – что нет доброй воли и искренности переживаемых чувств, когда простая банальность или случайность, к тому же в наиболее смешной форме или в ее воплощении, разрушает те прелести, которые могли бы украсить мир и превратить его в сад наслаждений.

С той поры прошло всего несколько лет, но воспоминания о ней, сегодня уже более чем расплывчатые, все еще были живы.

Сидя за столом в своем кабинете, поигрывая серебряным ножом для разрезания бумаги и, время от времени, бросая на меня взгляд, он начал свое повествование:

– Я должен был бы рассказать тебе только первую часть этой истории, но ощущаю потребность рассказать все, вплоть до некоторых неправдоподобных моментах и гротеска. Итак, встреча в Бриге после стольких дней ожидания прошла довольно спокойно и без пылких проявлений чувств. Мы знали, что идем навстречу трудным испытаниям и бросаем вызов судьбе. Я ее не видел целый месяц, и за этот небольшой отрезок времени она смогла так сильно измениться, что вызывало у меня беспокойство. Волосы у нее были стянуты к затылку и прикрыты шиньоном, брови искусно подкрашены, губы подведены кисточкой и появилось еще нечто новое: контурный карандаш на ресницах, которые лучами расходились над ее серыми глазами. Эти новшества я заметил не

сразу, по мере того, как поезд, в котором мы ехали, поднимался по правому склону долины Роны. В купе мы были одни. Она стояла у окна в ожидании туннелей. Под защитой горных хребтов, через которые мы пробивались, нам казалось, что мы укрыли свою любовь в надежном месте. После первого туннеля мы обнялись как беглецы, нашедшие, наконец, спасение.

Когда грохот второго туннеля прекратился, вечерний луг ворвался в наше купе: мы прибыли в долину Кангера, Вскоре поезд остановился на вокзале Кандерстега – ровно на столько времени, чтобы дать нам выйти из вагона со своими чемоданами.

Поезд ушел, мы остались на перроне одни. Осмотрелись по сторонам – вокруг никого не было. Но вот на платформе появился человек; он снял шляпу и назвался представителем отеля «Альпенблик», в котором мы забронировали два номера. Взяв у нас чемоданы, он положил их наверх джипа и предложил нам сесть.

Городок мы пролетели в мгновение ока. После непродолжительной езды через поля, мы подъехали к отелю, построенного в форме шале.

Наши комнаты располагались на втором этаже и выходили на фасад. Они были смежными, но соединяющая их дверь была закрыта. Я прошел в комнату Анжелики через коридор и присутствовал при разборке ее чемодана. На свет появились легкие платья, желтый вечерний костюм, затем нижнее белье. Из сумки был извлечен новые для Анжелики аксессуары – несессер с косметикой с неуловимым, как у шафрана, запахом, контурный карандаш со щеточкой, дневной и ночной кремы. Очищающие жидкости, лосьоны, средство от морщин и еще одно – от расширения пор, дезодоранты, туалетная вода «Бото» и, наконец, несколько пачек английских сигарет.

Пребывание во Французской Швейцарии и общение с девушками высокого социального положения сделали ее более утонченной или, лучше сказать, способствовали развитию ее природной

склонности к притворству.

По правде говоря, она стала лучше, хотя в ней меня привлекала не красота, а ее стиль жизни, ее облик, иногда двойственный и противоречивый, а иногда обезоруживающий своей простотой. Ее красота (у каждой женщины есть своя красота) не понятно даже в чем заключалась – она проявлялась в различных частях тела и лица, например, в уголках глаз, но потом вдруг исчезала, оставляя вместо себя неясность линий, которая могла оказаться неприятной. Я заметил, что она слегка поправилась в бедрах, которые уже не были бедрами девочки, и на лицо, где появился менее заметный признак – чуть выступающий вперед подбородок. Более внимательный наблюдатель мог еще заметить асимметричность овала лица, которое чуть выделялось слева, что было вызвано неправильным прикусом. Ее глаза, порой словно остекленевшие, могли от легкого движения век стать нежными и кроткими.

Я прошел в свою комнату, чтобы достать вещи из чемодана и сразу же вернулся к ней. Прежде чем спуститься на ужин, мы постояли немного на балконе, у раскрытого в темноту окна. Время от времени мы смотрели друг другу в глаза – счастливые и объятые ужасом оттого, что нас здесь ожидало.

Наш стол находился в углу столовой. Хозяйка вышла поздороваться с нами, а потом девушка в белом фартуке подала нам ужин.

После ужина мы вышли наружу. Дорога проходила перед гостиницей, и мы пошли в сторону городка. Мы шли через поля, пока не достигли первых домов, среди которых маленькие и большие отели. Становилось прохладно, и лучше было вернуться в отель. На полу холла гостиницы были свалены рюкзаки, ледорубы, веревки и горные ботинки с «кошками». Группа английских альпинистов только что прибыла для восхождения на Блюмлисальп и другие окрестные вершины.

На втором этаже, у двери своей комнаты Анжелика чмокнула меня

и сказала: «До завтра». Я вошел в свою комнату, в которой дверь, ведущая в номер Анжелики, была закрыта на ключ, находившийся с моей стороны. Я спросил себя, не стоит ли мне повернуть ключ в положение «открыто», чтобы наше разделение оказалось добровольным. Но, опасаясь, что буду неправильно понят, принялся за чтение и вскоре заснул.

Утром, услышав движение в ее комнате, я постучал в разделяющую нас дверь и спросил, не могли бы мы позавтракать в ее комнате, в которой был просторный балкон со столом и двумя стульями.

«Через десять минут, когда я буду одетой» – ответила она.

Десять минут спустя, я, тоже полностью одетый, открыл разделяющую комнаты дверь и прошел в ее номер. Горничная, которую Анжелика вызвала колокольчиком, вошла немного удивленная.

«Кофе с молоком и все, что к нему положено, на двоих» – сказала Анжелика.

Принесли завтрак, и мы сели друг против друга на балконе, бывшем в тени. Перед нами, за дорогой, журча среди зеленых цветущих лугов, протекал Кандер. Три горные гряды – одна выше другой – замыкали долину с запада. Справа дорога углублялась в еловый лес и слегка шла под уклон. Слева, по направлению к городку, виднелись среди деревьев острые крыши домов и две веселые колокольни со шпилями. Вдали, в той же стороне, возвышалась очень высокая гора, увенчанная похожими на башни замка скалами. Находящийся внизу сад отеля, с травой, покрытой росой и темный от утренней тени, казался прохладным весенним оазисом, хотя уже шла первая неделя июля.

Было девять часов утра, и, закончив завтрак, мы пошли познакомиться с городком. Мы шли по сельской дороге вдоль реки и обнаружили мельницу с колесом, залитым искрящимся на солнце водой, плотника, работавшего под открытым небом, несколько пахнувших хлебом коровников и, наконец, вошли в городок. Все казалось слишком маленьким, а горы – очень высокими.

В центре городка, когда мы повернулись лицом к солнцу, перед нами, в глубине большой межгорной расщелины неожиданно возникла гора Блюмлисальп. Белая, как луна в дневное время, большая гора, носящая имя лилии, раскрыла свои четыре лепестка из снега и льда на фоне голубого неба. Одни швейцарец, глядя на нее с открытым ртом, сказал, что за Блюмлисальп находится невидимая, к сожалению, из Кандерстега, гора Юнг-фрау.

“Гора-лилия” была местной достопримечательностью и оправдывала существование отелей, сувенирных магазинов, летнего и зимнего туристического оборудования.

Побывать в тех краях, прожить там несколько дней казалось нам наградой, полученной за воздержание. Ни одним звук не нарушал царивший покой – река текла тихо, и даже поезд бесшумно скользил через луга.

В гостинице нам посоветовали совершить после обеда поездку на Голубое озеро, которое находилось в нескольких километрах от нас, на второй остановке поезда. Анжелика уже кое-что слышала об этом чудесном озерке, где побывала ее подруга Магда. Она и порекомендовала ей ни в коем случае не упустить возможности осмотреть его.

В тот же день мы проехали на поезде до остановки у озера, а потом прошли пешком вглубь расщелины. В тени черных отелей гор перед нами возник светлый провал – чаша с голубовато-зеленой водой, настоящий Мальстрем, где плавали две лодки полные людей. Подойдя к берегу, большую часть которого занимало большое кафе с многочисленными столами и стульями, стоявшими под открытым небом, мы решили сесть в одну из лодок, на которых туристам показывали местное чудо: груды окаменевших тысячелетних стволов, находившихся на дне озера, которое просматривалось до большой глубины, может быть, до сорока метров – столь прозрачной была здесь вода, на поверхности которой не было не только волн, но даже малейшей ряби.

Другой достопримечательностью был спектакль, разыгрываемый

форелью. Множество черных, как сажа, рыб плавало стаями; они приближались к лодкам, высовывали из воды свои морды, ожидая кусочков хлеба, которые туристы, словно, совершая ритуал, бросали в воду.

Вернувшись на берег и расположившись за столиком то ли кондитерской, то ли молочного кафе, где подавали пирожные, торты, горячие и холодные напитки, мы заказали чай и смотрели по сторонам. Находясь вблизи этой естественной воронки, люди почти не жестикулировали. Крупные, плотно сложенные женщины с сидевшими напротив них ошарашенными мужьями, другие, более молодые с воспитанными детьми и некоторые одинокие посетители – все они были словно одурманены плотным воздухом; а тем временем какая-нибудь форель вспарывала в прыжке неподвижную гладь озера.

«Когда Магда приезжала сюда со своим другом, – сказала Анжелика, – она почувствовала себя как бы во власти чар».

Их глаза неожиданно подернулись дымкой, а тела охватила никогда ранее не испытанная истома.

«Любовь, которая долго вызревала и не находила случая, чтобы полностью раскрыться, обрела в этой атмосфере благодатную почву и, словно невидимая фея, взяла их за руки и полностью преображенными повела в гостиницу».

Все стало на свои места. Я должен был распознать нечто большее в привязанности к Анжелике – такой неразгаданной после всех встреч и разговоров, продолжавшихся более года.

За ужином многое между нами изменилось. Что-то невидимое витало над нами, готовое подвести к недалекому уже рубежу.

Не сговариваясь, мы отказались от прогулки на свежем воздухе, чтобы, дружа друг друга за руки побыть в гостинной. В десять часов мы решили подняться в свои номера. Соединяющая комнаты дверь была открыта, словно об этом кто-то только что позаботился.

Быстро наступившая ночь оказалась опытной сводней, потому что приняла нас в свое лоно, подсказав нам жесты и слова, которые мы сами никогда бы не смогли произнести. Это была буря, проливной дождь с ветром и градом, неожиданные раскаты грома и моменты затишья, которые не прекращались до самого утра, когда нечеловеческий покой пал на наше поле битвы.

Я не помню, говорил ли горничной прошлым днем, чтобы она каждое утро подавала нам завтрак на балкон. В девять часов девушка бесшумно вошла в комнату, открыла балкон и поставила на столике кофейник, чашки, свежие булочки, масло и варенье. Выходя, она скользнула взглядом на кровать, где мы, наполовину прикрытые, лежали как мертвые. «Синьора обслужена», – прошептала она.

«Более чем обслужена», – вырвалось у меня, когда Куниберти дошел до этого момента.

Я помню, что, дойдя до описания сцены с выходящей из комнаты горничной и моей реплики, мой друг остановился. У него не было желания рассказывать мне продолжение. В ответ на мои настаивания он только качал головой: похоже было, что он не хотел портить такой финал. Но все же он уступил. Не тогда, а день или два спустя, когда, словно речь шла о другой истории, приступил к заключительной части.

– В то утро, – сказал он, – мы решили совершить еще одну из традиционных экскурсий по Кандерстегу – съездить на канатной дороге на Оэшинензее, светлое голубое озерко, находившееся на высоте две тысячи метров у подножия Блюмлисальп. В отличие от Голубого озера, которое могло быть символом разложения, адским местом, во всяком случае, подземным, Оэшинензее было символом чистоты, что-то вроде преддверия на седьмое небо.

От конечной станции канатной дороги к озеру вела тропинка, проходившая между скал и обгоревших от ударов молний елей, впереди которой постоянно была видна Блюмлисальп. Казалось, что мы очутились на одной из тех цветных фотографий, которые

встречаются на больших календарях в швейцарских банках или страховых компаниях.

На берегу Оэшинензее тоже был летний ресторан, где продавались открытки, маленькие бычьи ошейники с колокольчиком, эдельвейсы, лилии и миниатюрные ледорубы.

Идя вдоль берега, мы дошли до конца озера и оказались на пустынной площадке, омываемой маленькими волнами, вызванными холодным дыханием ледников. Сосны и кусты окружали небольшой пляж и защищали его от посторонних взглядов. Стоявшее высоко в небе над вершинами Блюмлисальп жаркое солнце обжигало нам лица.

В один миг мы разделись. Голые, как персонажи Страшного Суда, мы спустились к воде и погрузились в озеро.

«Нужно окунуться с головой, – сказала Анжелика. – Тогда мы полностью очистимся».

Я погрузил голову на одно мгновение, а потом побежал на берег, разбрызгивая капли воды, которые казались льдинками. Холод воды можно было вынести всего лишь несколько секунд, но на солнце было так жарко, что мы быстро высохли и оделись.

Возвращаясь к станции канатной дороги, мы ощущали в себе легкость, свежесть и чувствовали себя действительно очищенными, чуть ли не чудесным образом исцеленными, словно мы побывали в купальне Силоам. Вторую половину дня, как новобрачные во время свадебного путешествия, мы провели в постели.

На следующий день, немного усталые от прошедшей ночи, мы отказались от другой предложенной экскурсии – поездке на озеро Спиц с катанием на катере по озеру Тун. Мы провели время в номере у открытого балкона, словно на фоне легкой и прохладной дымки.

Так, наверное, у нас пройдут и все оставшиеся дни. По

возвращению Анжелика переедет в мой дом, и мы будем жить открыто, поскольку я заявил, что собираюсь жить с ней, хотя бы ли или не хотят этого ее родители.

В тот вечер за ужином я заметил, что приехали новые постояльцы. Гостиница, должно быть, была полностью заселена. В глубине столовой сидела чета пожилых супругов; оба они были довольно плотного телосложения. Муж – тучный и неуклюжий – все время бросал взгляды в сторону нашего столика, потом, поворачиваясь вперед грудью, о чем-то говорил со своей супругой. Я заметил, что женщина качала головой и делала недовольное лицо, словно желая отговорить мужа не делать что-то не подобающее. Однако мужчина неожиданно поднялся и подошел к нашему столику. Положив на стол свои большие руки, он нагнулся до высоты наших голов. Идиотски улыбнувшись Анжелике, он сказал: «Мне очень приятно встретить вас здесь... как мне кажется, с вашим мужем. Я – коммендаторе Энрико Тромбетта. Не помните? Я друг вашего отца, дорогого Эрколино, Эрколино Коломбо, черт возьми! Двадцать лет назад, когда вы только что родились мы вдвоем управляли фабрикой по производству лент «Настрифичо Ломбардо» в Монце. Вот уже несколько лет я владею одним большим предприятием в Милане, но вас я помню хорошо. Когда мы с вашим отцом прекратили сотрудничество, вы ходили в последний класс школы. А как поживает ваша мама, дорогая синьора Текла?»

Анжелика, холодная как мрамор, молча смотрела на него.

Ошеломленный коммендаторе настаивал: «Но как! Вы меня не узнаете? Ведь всего лишь год...»

«Я вас не знаю и никогда раньше не знала. Мой отец вовсе не Эрколино и у него никогда не было друзей такого сорта» – выпалила Анжелика на одном дыхании.

Мужчина с ужасом выпрямился и повернулся ко мне.

«Такое может случиться, – сказал я ему – Иногда бывают невероятные сходства. Несколько лет назад я принял одного

пожилого господина за мою старую учительницу математики».

Тромбетта ничего не понимал. Сконфуженный и обескураженный он стал пятиться от нашего стола и налетел спиной на тележку с тортами, которые упали на пол, а часть их – на столы.

Когда все было приведено в порядок и собраны осколки посуды, кусочки пирогов, тортов с безе, коммендаторе, окончательно выбитый из колеи, уселся напротив своей жены, которая, даже не понижая голоса, сказала ему: «Так тебе и надо! В таких случаях одурачить человека ничего не стоит».

Они даже не закончили ужинать и пошли спать, провожаемые сочувственными взглядами посетителей, все еще сидевших за столиками.

«Это он, – сказала мне тогда Анжелика, – бывший компаньон моего отца Тромбетта – кретин, который никогда ничего не делал так, как следует делать».

Следующий день был пятым днем нашего пребывания и третьим днем нашего «супружества», как в шутку говорила Анжелика. О коммендаторе больше не было ни слуху, ни духу – он с женой утром съехал с гостиницы.

Пообедав и не помышляя больше о поездке по окрестностям, мы на пару часов отправились в постель, Только позже, чтобы скоротать время до ужина, мы решили прогуляться в городок.

На шестой день, в четыре часа дня, когда мы спускались вниз, чтобы совершить нашу обычную прогулку, стоявшая за стойкой хозяйка подозвала к себе Анжелику.

«Синьора, – сказала она, – вас только что спрашивала одна дама».

В этот момент я увидел, как с противоположной стороны, из сада в гостиницу вошел военным шагом человек. Он решительно направился прямо к стойке и остановился перед Анжеликой, глядя на нее снизу вверх. Ростом в метр пятьдесят или чуть больше, с

головой размером почти в треть своего роста, с левым пробором и напояженным хохолком, который увеличивал его рост на пять сантиметров и, похоже, с подкрашенными волосами и усами, он походил на гамбургского петушка. Вытянув шею и трясая головой, он сказал: «Вот где она, синьорина!», что очень было похоже на «Кукареку!»

Страшно покраснев, Анжелика озиралась по сторонам, надеясь, возможно, что я остался в комнате.

Я понял, что она ужасно стыдилась появившегося таким образом отца и не знала, какую сцену он еще выкинет. Воспользовавшись тем, что я спускался не рядом с Анжеликой, а несколькими ступеньками выше, я притворился обычными постояльцем гостиницы и направился к выходу, не обращая внимания на человечка, который повернулся в мою сторону и, покачиваясь, стал смотреть на меня, что навело меня на мысль о его готовности издать новое «Кукареку».

Выйдя в сад, я заметил в стороне синьору – ростом почти в два метра, худощавую, одетую в шифоновое платье зеленоватого цвета и в шляпке с вуалью, сдвинутой в сторону. Это была мать Анжелики. Я вспомнил, что видел ее несколько раз в центре города, идущую рядом с мужем, но тогда я даже отдаленно не мог предположить, что это родители Анжелики.

Как я потом узнал, они были хорошие люди, очень религиозные, пользовавшиеся уважением тех немногих людей, кто имел случай познакомиться с ними, несмотря на комичный вид, который они вызывали, когда вместе гуляли по улицам города, иной раз и под ручку.

Считая более разумным находиться подальше от синьора Эрколино, на случай, если он захочет выместить на мне свой гнев, я не стал уходить из гостиницы, а прошел в сад и сел за стоявший в стороне от прохода чугунный, окрашенный в белый цвет столик, где нашел номер «Цюрихер цайтунг». Раскрыв газету, я сделал вид, что читаю, стараясь не смотреть на мать Анжелики,

которая, как Ниобея, поглядывала на меня через свисавшую со шляпы вуаль.

Из-за своего столика я увидел, как синьор Эрколино на какое-то мгновение появился на нашем балконе, на втором этаже; потом я услышал, как он давал распоряжения о том, чтобы побыстрее уложили вещи в чемодан. Наверняка он зашел и в мою комнату, поскольку позже, поднявшись к себе в комнату, я обнаружил, что дверь, соединяющая наши комнаты, была распахнута. Он, конечно, увидел два моих костюма, которые висели в шкафу, галстуки, лежавшие на умывальнике туалетные принадлежности и мой чемодан. На тумбочке ему попался на глаза мой паспорт, который он пролистал и изучил, потому что я нашел его брошенным на кровать. Эту кровать он обнаружил безупречно заправленной, без единой складки, в то время как кровать его дочери предстала перед ним вся измятая и растерзанная.

Конечно, он долго рассматривал меня, стоя за спущенными жалюзи у окна моей комнаты.

Через полчаса они спустились вниз. Только тогда я заметил такси, которое поджидало их на дороге.

Наша горничная помогла им поднести чемодан Анжелики, По пути они захватили мать, которая до этого не сдвинулась с места, и, следуя друг за другом, они прошли к такси. Анжелика – впереди, за ней мать и горничная, а отец с высоко поднятой головой, покачиваясь на ходу, замыкал шествие.

Анжелика даже не повернула голову в мою сторону, когда я, отложив газету, наблюдал за их шествием. Первой села в такси Анжелика, за ней – мать, а отец занял место рядом с водителем. Они поехали на вокзал, успевая по времени на поезд, отправляющийся в 17.25, на котором бы мы уехали завтра. Если бы появление коммендаторе Тромбетты не разрушило бы основание самого прекрасного замка любви, который мне когда-либо довелось встретить в жизни.

– С того дня, – продолжал Куниберти, – я больше не видел

Анжелику, но получил от нее записку, в которой она писала:

«Не переживай – мы потеряли всего лишь один день. Даже если бы не произошел этот ужасный инцидент, я все равно решила, что когда вернусь домой, я больше встречаться с тобой не буду. К чему бы мы пришли? Разве что к разочарованию. Прощай навсегда. Анжелика».

Позже я узнал, что родители продали свою виллу и переехали в один из городов Эмилии, где Анжелика вышла замуж за учителя средней школы.

Этот рассказ Куниберти я вспомнил в тот момент, когда осенью, три года назад я спускался с Интерлакена в Кандерстег, Дорога была покрыта тонким слоем снега, который припудрил сосны и крыши тех немногих домов, что стояли вдоль дороги. Я проехал мимо дорожного щита, который указывал на тропу, ведущую вправо, к Голубому озеру, а затем – к покрытой туманом пустынной деревне. Наконец, я доехал до плато и увидел длинный щит с надписью «Кандерстег». Я стал искать отель «Альпенблик», но мне сказали, что такого здесь никогда не было, а если и был, то давно уже перестал существовать. Горы Блюмлисальп тоже не было видно, впрочем, как и другие горы, потому что серая пелена покрывала почти белую от снега долину. Я не увидел даже Кандер. Возможно, река была скрыта небольшими особнячками и многоквартирными домами, построенными здесь в последние годы.

Если хорошо подумать, то прошло уже почти сорок лет с тех пор, когда Куниберти принял здесь очищение воздухом и водами. Больше ничего не было, разве что те имена, которые я вспомнил и которые, может быть, уже не звучали в ушах Куниберти, теперь уже старого и забывшего о своих счастливых годах.

© Пьеро Кьяра.

© Перевод А.Г.Кузнецова, 2008. Satiriki hekaýalar